

Радищев Александр Николаевич

**Путешествие из Петербурга в
Москву**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Николаевич Р.**
Путешествие из Петербурга в Москву / Радищев Александр Николаевич – М.:
Книга по Требованию, 2025. – 255 с.

ISBN 978-5-519-80194-2

ISBN 978-5-519-80194-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ

РАДИЩЕВЪ.

I.

Предлагаемая нашимъ читателямъ книга появилась сто шестнадцать лѣтъ тому назадъ. Больше вѣка пролежала она подъ цензурнымъ запретомъ, и цѣлыя поколѣнія русскихъ людей рождались, созрѣвали и старились, не видѣвъ одного изъ величайшихъ произведений родной литературы. На школьной скамьѣ намъ не говорили ни слова объ Александрѣ Радищевѣ, какъ почти ничего не говорили о замѣчательномъ его современникѣ, Новиковѣ, замученномъ въ сырыхъ казематахъ Шлиссельбурга. Мы твердо знали, что во времена Екатерины жили Державинъ, Фонъ-Визинъ, Сумароковъ, но объ истинныхъ духовныхъ отцахъ русской интеллигенціи, о первыхъ писателяхъ-гражданахъ, опредѣлившихъ собою демократическій характеръ всей русской литературы и публицистики, мы не знали ничего. Только теперь, когда въ цензурныхъ стѣнахъ пробиты первыя бреши, имя Радищева появилось на обложкахъ книгъ и брошюръ, и молодежь за нѣсколько копеекъ можетъ ознакомиться съ біографіей великаго человѣка.

Исторія русской литературы—это сплошная повѣсть мукъ и страданій, борьбы во имя свѣта и правды, му-

ченичества во имя идей. По прямой линіи отъ Александра Николаевича Радищева идетъ повѣщенный за валомъ Петропавловской крѣпости Рылѣевъ, умершій въ далекой ссылкѣ Михайловъ, прожившій всю свою жизнь въ изгнаніи и ссылкѣ Герценъ, замученный Чернышевскій, звенящій кандалами Достоевскій... Всѣ эти люди жили и страдали въ странѣ, еще не открывшей глазъ, еще погруженной въ мертвый сонъ, отданной въ распоряженіе хищнаго и невѣжественнаго чиновничества. Но наиболѣе трагической все же была судьба Радищева: онъ былъ одинъ въ постигшемъ его испытаніи, и не могъ утѣшаться тѣмъ, что вокругъ остаются друзья и единомышленники, которые подхватываютъ выпавшее изъ рукъ пораженнаго борца знамя и идутъ съ нимъ впередъ... Одинъ на одинъ съ „чудищемъ стозѣвнымъ“ стоялъ онъ въ тѣ далекіе отъ насъ дни, и ужасъ этого одиночества можетъ вполнѣ оправдать тѣ приступы слабости и малодушія, какія были имъ проявлены въ заключеніи. Не всѣ родятся героями и революціонерами, и не всякій сильный умъ, безпощадно изобличающій произволъ и насиліе, можетъ вынести гнетъ сводовъ Петропавловской крѣпости.

II.

А. Н. родился 20 августа 1749 года въ имѣніи своего отца, въ Кузнецкомъ уѣздѣ Саратовской губерніи. Семья его была интеллигентной и непохожей на помѣщичьи семьи того времени. Въ домѣ говорили на иностранныхъ языкахъ, читали книги и журналы, гуманно и справедливо обращались съ крестьянами. Эти послѣдніе любили своего помѣщика. Когда разразился Пугачевскій бунтъ,—Радищевъ съ дѣтьми, въ числѣ которыхъ былъ и маленькій Саша, спрятался въ лѣсу, и крестьяне не выдали ихъ пугачевскимъ полчищамъ.

Воспитаніе А. Н. началось въ деревнѣ: къ нему былъ приставленъ гувернеръ—французъ, оказавшійся бѣглымъ солдатомъ. Его скоро прогнали, и молодого Радищева отвезли въ Москву, къ родственникамъ со стороны матери, Аргамаковымъ, гдѣ появился уже новый гувернеръ — французъ, бывшій совѣтникъ руанскаго парламента, бѣжавшій отъ преслѣдованій Людовика XV. Этотъ человекъ, пропитанный духомъ просвѣтительной философіи XVIII вѣка, впервые заронилъ въ чуткую душу ребенка сѣмена великихъ общественныхъ идеаловъ. Отъ него впервые услышалъ мальчикъ о равенствѣ, братствѣ и любви къ человѣчеству. вмѣстѣ съ тѣмъ ему давали уроки профессора университета. Въ 1762 году молодого Радищева перевезли въ Петербургъ, въ Пажескій корпусъ, гдѣ онъ пробылъ до 1766 года.

Какъ извѣстно, пажей по очереди доставляли во дворецъ, и умный, наблюдательный юноша не могъ не видѣть, какъ жили при дворѣ Екатерины. Отъ его остраго взора не укрылись закулисныя стороны блестящаго придворнаго общества, грязь и развратъ, царившіе въ его средѣ. И быть можетъ тутъ, вспоминая деревенскія картины, онъ впервые задумался надъ причиною такого вопіющаго неравенства...

Въ 1766 году Екатерина, озобоченная тѣмъ, чтобы создать въ Россіи побольше культурныхъ и образованныхъ людей, рѣшила отправить за границу для научныхъ занятій двѣнадцать молодыхъ дворянъ, и изъ нихъ шесть пажей, наиболѣе отличившихся въ корпусѣ. Въ ихъ число попалъ и Радищевъ, который прожилъ въ Лейпцигѣ около пяти лѣтъ. За это время онъ успѣлъ изучить множество наукъ. Царица, отправляя студентовъ за границу, полагала необходимымъ, чтобы они обучались: „латинскому, нѣмецкому, французскому и, сли возможно, славянскому языкамъ, въ которыхъ

должны себя разговорами и чтеніемъ книгъ экзерцировать; всѣмъ обучаться моральной философіи, гисторіи, а наипаче праву естественному и всенародному и нѣсколько и римской исторіи праву. Прочимъ наукамъ обучаться оставить всякому по произволенію“. Радищевъ и его товарищи страстно предались ученію. Идеи великихъ мыслителей восемнадцатаго вѣка жадно усваивались ими. Руссо, Гольбахъ и Мабли сдѣлались ихъ настольными книгами. Изъ нихъ они почерпнули идеи равенства, свободы и народовластія. Изъ нихъ они постигли принципы естественнаго права, въ послѣдствіи положенные въ основаніе книги Радищева.

Наряду съ науками общественными, Радищевъ много работалъ по естественнымъ наукамъ и медицинѣ, и былъ недурнымъ врачомъ. У другихъ профессоровъ они изучали исторію и языки. Но пребываніе русскихъ студентовъ за границей, требовавшее большого напряженія силъ (товарищъ Радищева, Ушаковъ, погибъ отъ переутомленія), сопровождалось раздражающей, упорной борьбой съ приставленнымъ къ нимъ капитаномъ Бокумомъ, довѣреннымъ лицомъ, кравшимъ ихъ деньги, вещи, грубо оравшимъ на нихъ и даже бившимъ молодыхъ дворянъ. Многократныя жалобы ни къ чему не приводили: въ XVIII вѣкѣ, такъ же какъ и теперь, при Дворѣ болѣе всего дорожили престижемъ власти, и дѣлая Бокуму секретныя внушенія, внѣшнимъ образомъ ничѣмъ не колебали его авторитета.

Но вотъ ученіе окончилось, и получившій европейское образованіе дворянинъ вернулся на родину. Послали его учиться въ тѣ дни, когда Екатерина II носилась съ новыми идеями и мечтала удивить міръ гигантскими преобразованіями. Тогда она еще сочиняла свой „наказъ“, запрещенный во Франціи цензурой, созывала депутатовъ русской земли на совѣщаніе по выработкѣ

новыхъ законовъ, для того чтобы послѣ долгой и безплодной работы распустить ихъ по домамъ. Время шло, и царица все болѣе и болѣе отвыкала отъ громкихъ фразъ, отъ визитовъ Дидро и переписки съ Вольтеромъ, и все болѣе привыкала къ самовластью временщиковъ, къ войнамъ, къ упроченію дворянскаго сословія и къ удержанію крестьянъ въ рабскомъ состояніи. Царствованіе великой императрицы было временемъ величайшаго развитія крѣпостного права, жесточайшихъ мукъ крестьянства, созданія огромныхъ имѣній, раздариваемыхъ любимцамъ, подавленія всякихъ слѣдовъ человѣческаго существованія мужиковъ. Въ странѣ, въ которой были заведены нѣкоторыя европейскія реформы, царило взяточничество, воровство, грабежи, голодъ и нищета. Въ эту страну вернулись европейски образованные люди, рѣзко отличавшіеся отъ лакированныхъ на европейскій ладъ придворныхъ азіатовъ, и оказалось, что приносить отечеству пользы имъ не придется. Переѣхали они границу, миновали шлагбаумы родныхъ дорогъ и заставъ — и заняли мѣста аудиторовъ и протоколистовъ.

Служа въ сенатѣ, а потомъ въ коммерцъ-коллегіи, Радищевъ обнаружилъ большія способности и рѣдкую по тому времени честность и безкорыстіе. Онъ не переставалъ работать, читать и писать, но чувство глубокой скорби, порождаемое созерцаніемъ ужасовъ тогдашней русской жизни, не покидало его ни на минуту. Въ 1775 году онъ женился и былъ очень счастливъ въ личной жизни. Съ 1778 года началъ онъ издавать книги. Такъ, перевелъ онъ книгу Мабли „Разсужденія о греческой исторіи“, принялся за исторію російскаго сената. Въ 1789 г. (уже послѣ смерти жены) онъ издалъ біографію своего покойнаго друга. Ушакова, а въ 1790 выпустилъ свое знаменитое „Пушествіе изъ Петербурга въ Москву“.

III.

26 іюня 1790 года Храповицкій, личный секретарь Екатерины Второй, засталъ государыню въ ея кабинетѣ въ сильномъ волненіи. Передъ ней лежала только-что вышедшая изъ печати книга Радищева... Царица въ негодованіи читала ее и дѣлала на поляхъ собственноручныя отмѣтки... Къ этому времени отъ былого свободомыслія царицы не осталось и слѣда. Раскаты французской революціи заставили всѣхъ самодержавныхъ монарховъ насторожиться, принять мѣры къ охранѣ своей власти и косо смотрѣть на такія проявленія просвѣщенности и образованія, которыя поощрялись ими ранѣе. Екатерина не хуже другихъ бранила «французскую заразу» и въ книгѣ Радищева, изданной на основаніи ея собственнаго указа о вольныхъ типографіяхъ, усматривала «все возможное къ умаленію почтенія къ власти и властямъ, къ приведенію народа къ негодованію противъ начальниковъ и начальства». Еще не дочитавъ книги, она отдала приказъ о розыскѣ автора; дѣло перешло къ начальнику тайной полиціи, «кнутобойцу» Шешковскому — и черезъ два-три дня Радищевъ уже сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости, этомъ пріютѣ столькихъ великихъ русскихъ людей...

Что же это за книга, и почему она такъ возмутила государыню?

Она написана въ видѣ дневника путешественника, представляя съ внѣшней стороны подражаніе извѣстному сентиментальному путешествію Стерна. По содержанію же она является изложеніемъ общественно-политическихъ взглядовъ Радищева и рядомъ яркихъ, образныхъ, живыхъ картинъ тогдашней русской жизни. Ея эпиграфомъ поставлено: «чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно и лаяй». Это чудище — весь самодержавно-

крѣпостническій строй тогдашней русской жизни, весь ужасъ человѣческаго безправія и произвола. Это деспотизмъ въ управленіи, называемый Радищевымъ «самодержавство», причина народныхъ бѣдствій и угнетенія. Съ этимъ чудовищемъ воюетъ его честная книга, и за это на него ополчилось все то, что держалось и крѣпко крѣпостничествомъ и самовластьемъ.

Мы не будемъ дѣлать здѣсь многочисленныхъ выдержекъ изъ этого замѣчательнаго произведенія. Пусть читатель, прочитавъ ее, самъ почувствуетъ силу скорбнаго негодованія, жившаго въ душѣ русскаго народолюбца XVIII вѣка. Отмѣтимъ только тѣ основныя идеи, которыя проведены въ отдѣльныхъ мѣстахъ «путешествія».

«Самодержавство», говоритъ Радищевъ, «есть наиболѣе противнѣйшее человѣческому естеству состояніе». Ему снится сонъ — онъ видитъ, что сталъ онъ «шахъ, король, царь, ханъ, бей, набабъ, султанъ или какое-то сихъ названій нѣчто, сидящее во власти на престолѣ». Это «нѣчто» сидитъ на золотомъ тронѣ, на головѣ его — вѣнецъ. Кругомъ подобострастныя толпы придворныхъ льстецовъ. Царь въ восторгѣ отъ похвалъ. Онъ мудръ и справедливъ; онъ непогрѣшимъ... И входитъ къ нему Истина, эта необычная въ царскихъ чертогахъ гостья. Она открываетъ глаза самодержцу, показываетъ ему кровь и слезы на его блестящихъ одеждахъ, черныя души его приближенныхъ, оборванныхъ солдатъ, бездѣйствовавшій флотъ и нѣжащагося съ любовницей начальника этого флота. «Вѣдай», говоритъ ему Истина, «ты первѣйшій въ обществѣ можешь быть убійца, первѣйшій разбойникъ, первѣйшій предатель, первѣйшій нарушитель общей тишины, врагъ лютейшій... Ты виною будешь, если мать восплачетъ о сынѣ своемъ, убитомъ на ратномъ полѣ, и жена о мужѣ своемъ; ты виною будешь, если запустѣетъ нива...»

«Властитель міра», заканчиваетъ свой сонъ Радищевъ, «если, читая сонъ мой, ты улыбнешься съ насмѣшкой или нахмуришь чело, вѣдай, что видѣнная мною странница отлетѣла отъ тебя далеко и чертоговъ твоихъ гнушается»...

Нужно ли говорить, что Екатерина нахмурила свое чело?

Изъ приведенныхъ отрывковъ обнаруживаются политическія воззрѣнія Радищева. Онъ—сторонникъ вольности, ей онъ слагаетъ гимнъ, гимнъ человѣка, скованнаго по рукамъ и ногамъ цѣпями политическаго безправія:

О даръ небесъ благословенный,
Источникъ всѣхъ великихъ дѣлъ,
О вольность, вольность, даръ безцѣнный.
Позволь, чтобъ раба тебя воспѣлъ...

Онъ республиканецъ, вѣрный послѣдователь своего великаго учителя Мабли. Онъ предвидитъ великія бури въ дорогомъ ему отечествѣ, ему мерещится федеративное устройство великой страны. Придетъ время — затрещать оковы тяжелой ночи. Человѣчество „взрветъ въ оковахъ“, врагъ въ „день избраннѣйшій изъ всѣхъ дней“ разсѣется навѣки... Онъ хвалитъ Кромвеля — и Екатерина недаромъ сдѣлала сбоку приписку, показывающую, что она вѣрно поняла мечты и симпатіи автора: „ода совершенно явно и ясно бунтовская, гдѣ царямъ грозитъ плахю“...

Обрисовывая положеніе Россіи, Радищевъ обращаетъ свои взоры на русскаго крестьянина, который былъ «въ законѣ мертвъ». «Въ Россіи», говоритъ онъ, «земледѣлатели не для себя работаютъ и, слѣдовательно, самое изобиліе плодовъ земли доказываетъ лишь «отягченный жребій ея жителей»... Передъ глазами читателя длинной вереницей тянутся ужасныя картины крѣпостнаго права: шестидневная барщина; помѣщики, без-

честившіе женъ и дочерей крестьянъ; распродаваемые съ аукціона люди—въ томъ числѣ дядька, кормилица, любовница и сынъ продающаго ихъ барина; дворовый, обученный наукамъ, но оставленный рабомъ; браки крестьянъ по принужденію; покупка крестьянъ казенными крестьянами для сдачи ихъ въ рекрута... Крестьянинъ—нищій. „Счастлива изба, коли въ одной изъ нихъ есть пустыя щи“; „одежда крестьянина—посконная рубаха, обувь—онучки съ лаптями“, да и то лишь „для выхода“... И обращаясь къ дворянамъ, Радищевъ восклицаетъ: „Звѣри алчные, піявицы ненасытныя, что крестьянину мы оставляемъ?... одинъ воздухъ. Отъемлемъ нерѣдко у него не токмо даръ земли, хлѣбъ и воду, но и самый свѣтъ. Законъ запрещаетъ отъяти у него жизнь. Но развѣ мгновенно. Сколько способовъ отнять ее у него постепенно! Съ одной стороны почти всеиліе; съ другою—немошь беззащитная... Се жребій вола въ ярмѣ!“

Какъ видитъ читатель, при Екатеринѣ Второй не всегда только воспѣвались оды. Произведенія Радищева не были царицѣ „пріятны, сладостны, полезны, какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ“—эти льстивыя слова Державина относились только къ его виршамъ, по которымъ выходило, что „запасшіся крестьянинъ хлѣбомъ, ѣсть добры щи и пиво пьетъ“, да къ Фонъ-Визину, который легко, остроумно, чисто по придворному вышучивалъ грубыя, лишенныя утонченной элегантности фигуры Простаковыхъ и Скотининныхъ. Радищевъ не говорилъ „съ улыбкой“ легкихъ истинъ. Онъ гремѣлъ, какъ сатирикъ, онъ обличалъ, какъ гражданинъ. А эта манера писанія никогда не приходилась по вкусу самовластью. Вотъ отчего понятно, почему книга его болѣе ста лѣтъ не видѣла свѣта: „стозѣвно и лаяя“ чудище жило, было крѣпко и сильно, и не пускало въ свѣтъ своего грознаго обличителя. Дрогнула тьма ночная—и книга замѣчательнаго человѣка появилась въ Россіи.

IV.

Екатерина II ко времени появленія книги Радищева забыла мечты и писанія своей молодости. Въ параграфѣ сороковомъ ея знаменитаго „Наказа“ стояло буквально слѣдующее: „Слова не вѣняются никогда въ преступленіе“. Она не подумала, что нѣкогда поощряла мысли, подобныя высказаннымъ Радищевымъ. Ея внукъ, Александръ I, былъ настолько благороденъ, что въ отвѣтъ на доносъ о планахъ декабристовъ заявилъ: „Я самъ раздѣлялъ ихъ идеи; не мнѣ ихъ карать“... Екатерина поступила иначе. Она обрушилась на Радищева, хотя знала, что это—ея ученикъ, проходившій по ея программѣ курсъ естественнаго права. Но то, что происходило въ это время во Франціи, заставляло ее быть особенно безпощадной. Кромѣ того, она чувствовала себя лично оскорбленной многими ядовитыми намеками, разбросанными въ книгѣ Радищева.

Замѣтки, сдѣланныя ею на поляхъ „Путешествія“, поистинѣ глубоко поучительны. Тамъ, гдѣ авторъ изображаетъ страданія крѣпостныхъ, царица собственноручно писала: „Вдѣтъ оплакивать плачевную судьбу крестьянскаго состоянія, хотя и то неоспоримо, что лучшая судьбы нашихъ крестьянъ у хорошаго помѣщика (!) нѣтъ во всей вселенной“. „Начинается прѣжалкая повѣсть о семіи, проданной съ молотка за долги господина“. „Разные полумудрецы сего вѣка, какъ Руссо“...—такъ сжигала она своихъ старыхъ кумировъ... Отдавая дѣло на распоряженіе государственнаго совѣта, царица просила, чтобы „не уважали до нея касающееся, понеже она презираетъ“, хотя на дѣлѣ жестоко мстила автору за нелюбезную ей правду. „Намѣреніе сей книги“, писала она въ другомъ мѣстѣ,—„на каждомъ листѣ видно. Сочинитель наполненъ и